

Д-р Дэвид ДеСильва, О культурном мире Нового Завета, Сессия 3, Покровительство и взаимность

© 2024 Дэвид ДеСильва и Тед Хильдебрандт

Это доктор Дэвид ДеСильва в своем учении «Культурный мир Нового Завета». Это сессия 3: Покровительство и взаимность.

На этом занятии мы внимательно рассмотрим социальный институт патронажа и дух взаимности, который был основой средиземноморской культуры первого века.

В Америке, если вы слышите это, это не то, что вы знаете. Это тот, кого вы знаете, обычно это происходит в контексте того, что кто-то выражает чувство несправедливости, что его избili за что-то, потому что у кого-то еще была личная связь, которая давала ему или ей рычаги воздействия для достижения определенной цели. Мы склонны использовать гораздо более безличный, нереляционный подход к получению того, что мы хотим или что нам нужно. Например, поиск работы, как правило, представляет собой довольно безличный процесс подачи заявления, по крайней мере, до определенного момента.

Когда нам нужен какой-то предмет, наш первый порыв — пойти в магазины, на Amazon.com или куда-нибудь еще, чтобы получить то, что нам нужно. Даже если у нас в настоящее время нет ресурсов для чего-то, например, для строительства дома, покупки дома или открытия бизнеса, мы склонны обращаться за деньгами в безличное агентство, в банк, кредитный союз или в что-то подобное. Если случается катастрофа, мы склонны полагаться на страховку, которая предоставит нам ресурсы, необходимые для восстановления.

Первый век Средиземноморского мира был миром, отличным от всего этого. Там, для многих нужд, помимо еды на рынке, для многих нужд, вашим ресурсом первого порядка является человек, который может дать вам то, что вам нужно. Отношения с другим человеком, у которого было то, что вам нужно, были основным средством доступа, основанным на ценности или добродетели щедрости и ценности благодарности.

Все это основано на добродетели справедливости. Мы снова обращаемся к Сенеке, нашему информатору первого века, который в своей книге «О льготах» действительно представляет собой чудесное из первых рук введение в покровительство, дружбу и этос, который управляет этими отношениями. Обратимся к Сенеке, который пишет, что предоставление и получение услуг — это практика, составляющая главную связь человеческого общества.

Это клей, который скрепляет общество. Это основная ткань социальной ткани. Да, в каждом крупном городе и, возможно, в деревне есть рынок, куда вы идете за рыбой, овощами, хлебом и тому подобными вещами.

Есть ремесленники и ремесленники, у которых вы покупаете товары, но в древнем мире для личной помощи в повседневной жизни есть гораздо больше места, чем мы склонны ожидать или искать в современном западном мире. Итак, покровитель, тот, кто имеет большие средства, чем я, может предоставить деньги, или зерно во время нехватки, или работу, когда я ищу это, или грант земли, или что-то в этом роде. Я бы пошел к кому-нибудь со средствами и попросил бы о такой услуге.

Я мог бы обратиться к другому человеку не потому, что у него есть то, что мне нужно, а потому, что у него или нее есть доступ к человеку, у которого есть то, что мне нужно. Я бы искал личные отношения как средство профессионального или социального продвижения, а не размещение заявления о приеме на работу на romanforum.com или что-то в этом роде. Итак, есть покровители, оказывающие помощь, и есть клиенты, те, кто, получая помощь, ставят себя в такое положение клиента, и наряду с получением помощи в какой бы то ни было форме клиент принимает на себя еще и обязанность благодарности, обязательство оказать помощь. предать гласности оказанную услугу и опубликовать свою благодарность за нее, тем самым укрепив репутацию покровителя.

Клиент также выказывал бы благодарность, проявляя лояльность к конкретному покровителю. Жители города играли в свои игры. Они играли в свои политические игры, добиваясь продвижения друг над другом, стремясь занять должности в городе, продвинувшись по должностям.

Клиенты поддерживали своих покровителей, поэтому сбор большого количества клиентов посредством щедрости, помощи и помощи также был способом увеличения своей власти. Я, как клиент, буду максимально продвигать интересы своего патрона. Клиент, как правило, поскольку он или она не может вернуть покровителю подарок натурой, часто оказывает ему услуги.

На самом деле, это довольно стереотипно, но первая сцена в «Крестном отце», вероятно, по-прежнему является лучшим введением, и, в конце концов, она происходит в средиземноморском контексте, хотя современная сцена — лучшее введение покровительства. Покровитель собирает клиентуру, и покровитель имеет право удовлетворять всевозможные просьбы, и если случится так, что вас попросят оказать услугу, вы запомните этот день. Это действительно хорошо отражает древний дух.

Я никогда не смогу отплатить покровителю за предоставленную ему землю или за спасение моей семьи от неурожая, но я могу оказать ему некоторые услуги, когда меня об этом попросят. Мы говорили о покровителях, мы говорили о клиентах, и я также упомянул, что величайшим даром покровителя может быть доступ к другому покровителю. Человек, с которым я могу быть связан, может не иметь того, что мне нужно, но у этого человека может быть друг, у которого есть то, что мне нужно, и поэтому мы также можем говорить об этом первом покровителе как о посреднике, как о посреднике, чтобы использовать более современный термин для этого.

Тот, кто способен связать клиента с другим человеком, у которого есть то, что нужно этому клиенту. Хорошее свидетельство о таком человеке есть в драме Софокла «Царь Эдип». Зять Эдипа, дядя, тесть - все это очень сложно из-за истории Эдипа, но Креонт, брат жены и матери Эдипа, внимание, спойлер, говорит, что его власть не в том, что он сам может обеспечить само по себе, кроме того, что у него есть ухо царя Эдипа.

Итак, пишет он, мне везде рады. Все приветствуют меня, и те, кто хочет вашей благосклонности, ищут моего уха, так как я знаю, как справиться с тем, что они просят, если бы кто-то прочитал письма римлянина Плиния или Цицерона, Плиния, который был сенатором, который, наконец, стал губернатором провинций Вифиния и Понт на территории нынешней северной части Турции.

Цицерон, конечно, является известным государственным деятелем доимперского периода, республиканского периода, и можно найти множество примеров брокерской деятельности в действии. Например, Плиний, как правитель Вифинии и Понта, может предоставить множество даров, услуг и возможностей для продвижения людей в провинции, но у него также есть дар, которого почти ни у кого нет в провинции. Он имеет дар доступа к самому императору Траяну.

Так что на самом деле многие из вещей, которые ищут Плиния, - это вещи, которые может предоставить только Траян. Например, дар римского гражданства верной массажистке Плиния и тому подобные вещи. Так что на самом деле сила Плиния как покровителя проистекает из его способности опосредовать дары еще более великого покровителя.

Итак, мы уже говорили; До сих пор я говорил о патронаже и клиентуре с точки зрения социального неравенства. Покровитель – более влиятельный человек, чем богаче, тем лучше ресурсный человек. Клиент, конечно, является социальным, политическим и экономическим неполноценным человеком.

Но такая динамика существовала и между равными в обществе. Плиний и такой же человек, как Плиний, другой правитель другой провинции, могли бы помочь

друг другу. Один не стал бы покровителем другого, один не унижался бы стать клиентом другого, но они считали бы друг друга друзьями.

Язык дружбы в первом веке во многом был языком покровительства между равными, между равными в обществе. Вы можете вспомнить эту историю из повествования о страстях Пилата и Ирода Антипы, потому что Пилат оказывает Ироду Антипе любезность в разгар этого повествования о страстях, предлагая Ироду возможность судить дело этого Иисуса. В тот день Пилат и Ирод подружились.

Это не значит, что они стали настолько друзьями, поскольку они внезапно перешли от отношений соперничества к отношениям, в которых они начали оказывать друг другу благосклонность. Они будут оказывать друг другу услуги и заботиться об интересах друг друга. Ни один из них на самом деле не уступал и не превосходил другого, хотя с этим, вероятно, можно было бы поспорить, будь он Иродом Антипой.

Что ж, Пилат тоже имел бы свои претензии. Но по сути они были политическими равными и с тех пор оказывали друг другу услуги. Покровительство, взаимность и дружба не просто имели значение для элиты в мире первого века, и они не были просто отношениями, которые могли связывать элиты с неэлитами.

Можно также найти свидетельства существования такой же системы, того же духа среди сельского населения, среди аграрного класса, восходящие еще к Гесиоду, я полагаю, греческому автору VI века до нашей эры. В своих «Трудах и днях», посвященных общей аграрной жизни греческого народа, он дает советы о том, как участвовать в обмене милостями, услугами и подарками в крестьянской деревне. Возьми справедливую меру со своего соседа и отплати ему справедливо той же мерой или лучше, если сможешь, чтобы, если ты потом будешь в нужде, ты наверняка нашел бы его.

Гесиод смотрит на готовность соседа А помочь соседу Б; У меня нет семян для посева следующего урожая; можешь мне помочь? И затем мудрость соседа Б, который следит за тем, чтобы он отдавал соседу А еще больше, чтобы, если сосед Б когда-нибудь снова будет в нужде, он зарекомендовал себя как благородный клиент, - это неправильное слово, но благородный сосед, благородный друг. Кто-то, кто ответит на оказанные услуги или подарки, даже с лучшими мерами взамен. Подобный этос продолжает наблюдаться в современных аграрных деревнях Средиземноморья, где обмен услугами имеет важное значение, а неспособность вернуть услугу приводит к конечному исключению из сети услуг и, таким образом, в некотором смысле, к социальной неудаче для себя и своей семьи. , поскольку в какой-то момент всегда понадобится помощь.

Следует отметить разницу между общественным благодеянием и личным покровительством в древнем мире. Если бы вы посетили практически любой археологический объект или музей в Средиземноморье, вы бы нашли множество надписей, свидетельствующих о том, что какой-то богатый житель города или богатый житель другого города сделал какой-то подарок публике, будь то подарок спонсировать игры каждые четыре года, или дарить фестиваль за свой счет, или дарить храм, или дарить тротуар, или фонтан, или что-то в этом роде. Люди со средствами были склонны жертвовать на благо общества и тем самым повышать свою репутацию, имея памятник, который всегда будет свидетельствовать, какой-нибудь обычно действующий памятник, который всегда будет свидетельствовать об их щедрости.

И надписи, и, вероятно, в то время какое-то общественное признание факта вручения этого подарка. Но при этом этот благодетель, этот общественный благодетель не создал вдруг паутину связей со всеми в городе. Нет, это был подарок всем вообще и, следовательно, подарок никому в частности.

Таким образом, публика в целом выразила бы благодарность и честь, но ни один конкретный ефесянин не почувствовал бы себя обязанным Максиму за новый фонтан. Я это выдумываю. На самом деле вы не найдете фонтана Максима в Эфесе.

Совсем другое дело, когда покровительство или дружба происходят один на один. Когда житель города обращается к более богатому человеку в городе с просьбой об одолжении, этот акт ответа и предоставления чего-либо просителю может создать долгосрочные отношения. Потому что я даю не один раз.

Я даю человеку, который, если этот человек добродетелен, продолжит действовать в интересах моих интересов. Он, обычно он, иногда она, но обычно он, он оплатит мне иначе, чем я дал, но он все равно оплатит тем же. И, следовательно, он будет в состоянии снова попросить меня о чем-то.

И если он хорошо получил помощь, я не смогу отказать. Поскольку я дал, он проявил благодарность, я должен дать еще раз. И он продолжит продвигать мои интересы, и так далее, и так далее.

Таким образом, этот первоначальный акт пожертвования вполне может положить начало отношениям на всю жизнь. И почитать некоторых авторов, таких как Бен Сира или автор сборника « Демоникус» . Это дань уважения Исократу, греческому оратору и оратору четвертого века, но, вероятно, это псевдоним.

Читая эти сборники советов, создается ощущение, что можно унаследовать дружбу отца. Сын должен был отплатить за доброту, проявленную к отцу, чтобы

у нас могли даже быть связи дружбы между поколениями или покровительства и клиентства между людьми.

В результате, говорит Сенека, я буду очень осторожен, прежде чем оказать услугу или получить услугу. Я должен быть абсолютно уверен, что это тот, с кем я потенциально хочу иметь долгосрочные отношения в таких отношениях. Возможно, совсем неудивительно, что люди в древнем мире концептуализировали свои отношения с богами.

Или, в случае с еврейским народом, с Богом, по принципу покровительства и клиентства. Это стало основной моделью разговоров о богах. Они дарят подарки лучше, больше и важнее, чем почти любой человек-благотворитель.

И поэтому мы обязаны богам всей той честью, какую можем им оказать. Поклонение, которое мы совершаем в храме, — это постоянное приношение благодарности богам за их дары. Посредничество, посредник, становится образцом священства во многих греческих и римских контекстах, а также в еврейских и христианских контекстах.

На самом деле, латинское слово «священник» в этом отношении весьма красноречиво. Это понтифик, слово, которое происходит от слов, означающих мост, понт и создатель чего-либо. Итак, священником называют буквально мостостроителя.

Он или она соединяет людей с богами, а богов с людьми и помогает усложнить отношения между ними так, что прошения отправляются одному, а жертвы возвращаются тому, который затем снова одаривает верующих в ответ. Эти границы между божественными покровителями и покровителями-людьми могли стать размытыми в древнем мире. Феномен культа императора в римском мире, особенно в восточной половине Средиземноморья, показывает нам его действие.

Однако еще до этого генералам, освободившим город, можно было предложить в знак благодарности поклонение. Деметрий Полиоркет был полководцем, спасшим Афины от власти агрессора. В надписи Деметрию в Афинах устанавливается поклонение, культ Деметрия, потому что он преподнес богам дары, о которых афиняне молились.

В надписи, читаем мы, другие божества находятся далеко, или не имеют ушей, или не существуют, или вообще не заботятся о нас. Но вы, мы видим здесь, присутствуем не в камне или дереве, а наяву. Итак, мы молим тебя, сначала принеси нам мир, ибо ты обладаешь силой.

Перенесемся на три столетия вперед, к возвышению Августа. Так пишет о зарождении культа Августа современник Ирода Великого, фактически личный друг Ирода Великого, Николай Дамаскин, историк того периода. Все люди вокруг Средиземноморья обращаются к нему так, как к Августу, в соответствии со своей оценкой его чести, почитая его храмами и жертвоприношениями на островах и континентах, организованными в городах и провинциях, соответствуя величию его добродетели, и воздавая ему должное за его благодеяния. их.

Смысл всего этого заключается в том, что Август преподнес средиземноморскому миру дары, достойные богов. Ему приписывают то, что он принес мир в конце, по сути, поколения гражданских войн. Не говоря уже о том, что ответственность за них нес он, как и его приемный отец Юлий Цезарь.

Но он успешно завершил их и таким образом восстановил стабильность, безопасность и процветание во всем Средиземноморском регионе. В ответ на это, поскольку его дары были столь велики, ответная благодарность должна была соответствовать ему. И поэтому, что в некоторой степени следует отнести к лести, люди по всему Средиземноморью, особенно в восточной половине, обратились к формам поклонения как к способу сказать: вот насколько мы ценим ваше расположение, дары, которыми вы обладаете. дано и будет давать нам.

Сказав это и продолжая говорить нам, я вспоминаю тот факт, что многие люди думают о греко-римской религии с точки зрения латинского выражения *do ut des*. Я даю для того, чтобы вы могли дать. Итак, часто проводят различие между греко-римской религией и иудейской или христианской религией: первая дает стимул богам удовлетворить какую-то просьбу, а вторая просто дает в ответ на то, что сделал Бог.

Но я просто скажу, что доказательства на самом деле не подтверждают это. В греко-римском мире можно найти множество примеров чувства *do quia de disti*. Я не очень хорош в латыни.

Мне потребовалось некоторое время, чтобы понять это. Я даю, потому что ты дал. И это, по сути, является движущей силой религии как в греко-римском, так и в еврейском мире.

Я даю в знак признания того, какую жертву, какую похвалу, что бы я ни делал в религиозном отношении, я делаю это, чтобы признать дары, которые вы дали, но также в обоих случаях с осознанием того, что как благодарный получатель ваших даров я, следовательно, являюсь хорошим кандидатом. больше подарков, в отличие от человека, который принимает ваши подарки как должное и не благодарит вас должным образом. Вы можете это обнаружить, вы

можете увидеть, как это проявляется как в греко-римской, так и в еврейской литературе в этом отношении. Переходя к более конкретному духу этих отношений, я хочу вместе с вами подумать о социальном контексте благодати.

Для меня благодать – это прежде всего богословский термин. Это религиозный термин. Я не слышу о благодати в реальном мире.

Реальный мир – это неправильная вещь. Я слышу это только в семинариях и церквях. Но нам очень важно понять, что Павел и другие авторы Нового Завета писали до того, как благодать стала специальным религиозным термином.

В их время благодать была повседневным словом. Оно действительно имело место в любом контексте, везде, где одолжение оказывалось, получалось и возвращалось. И Павел, и другие авторы Нового Завета пришли в этот мир, чтобы осмысленно говорить о том, что Бог сделал для мира в Иисусе Христе.

В этом мире харис на самом деле имеет четыре различных значения. Одним из них является ощущение того, что вы очаровательны или изящны. Допустим, я даже употребил там слово благодать.

Но харис может использоваться, чтобы говорить о красоте или уравновешенности или о том, что, однако, понимается как природный дар, дар богов или Бога человеку, который родился таким. Но прежде всего харис имеет одно из трех значений. Во-первых, это готовность покровителя или друга дать, проявить щедрость, помочь нуждающемуся.

Поэтому мы обычно переводим харис как милость в этом контексте или как милость. Но это благодать в особом смысле готовности кого-то отдавать. Второе значение, которое обычно имеет харис, — это дар, вещь, которая дается сама по себе.

Часто это слово проявляется во множественном числе, дары, но оно также используется для обозначения фактической помощи или фактического дара. И третье значение – благодарность или благодарность. В этом значении оно часто используется в молитвах и литургическом языке, а также в спонтанных высказываниях Павла.

Благодарение Богу за его неопиcуемый дар. Первое греческое слово — харис , тотео , благодать Божья, что не является благодатью в смысле благосклонности. Это благодать в смысле признания благосклонности, благодарения и проявления признательности.

И для справки: противоположностью хариса является ахаристия , отсутствие благодати. И это используется в первую очередь для обозначения

неблагодарности, неспособности или отказа отвечать благодатью на благодать, отвечать благосклонностью на благосклонность. Итак, три чувства, объединенные этим словом харис : благосклонность дарителя, сам подарок, ответная благодарность получателя.

Это уже имплицитно предполагает то, о чем прямо заявляли многие моралисты греческой и римской культур. Благодать должна быть встречена благодатью. Благосклонность всегда должна рождать благосклонность.

Если этого не происходит, благодатью злоупотребляют, а то, что прекрасно, становится уродливым и опозоренным. Очень распространенным образом, который соответствует этому этосу в древнем мире, является образ трех граций. Если бы вы зашли практически в любой музей приличного размера в Италии, Греции или даже Турции, вы, скорее всего, нашли бы какое-то изображение трех граций.

Оба изображенных здесь человека родом из Италии: один из Помпеи, а другой с виллы в Риме, которая сейчас находится в Капитолийском музее в самом сердце Рима. Но такое же изображение можно встретить на мозаиках и фресках Киренаики, современной Ливии, римской провинции Киренаика и в Малой Азии. Я был удивлен, обнаружив фриз с изображением трех граций в Иераполисе в Турции.

Я имею в виду, я не нашел его таким, каким я его обнаружил. Это было в музее. Но это своего рода вездесущий средиземноморский образ.

И это означает, что оно представляет собой этот социальный институт предоставления, получения и возврата услуг. И Сенека еще раз действительно указывает на этот образ и как бы экзегетирует этот образ в ходе своей книги о пользе. Он пишет, что есть три грации.

И для справки: грации считаются божественными существами. Они дочери богов. И он пишет, что есть три благодати, так как есть одна для дарования блага, одна для получения блага и третья для его возврата.

Каждая грань цикла или круга благодати представлена одной из этих нимф, одним из этих божеств. Он пишет, что они танцуют рука об руку из-за выгоды, переходя в своем ходе из рук в руки, но возвращаясь тем не менее к дающему. Подарок никогда не теряется для дарителя, если он принят хорошо, и, по сути, его цель - это хороший возврат.

Он пишет, что красота целого, красота этого танца разрушается, если где-нибудь этот ход нарушается. Он имеет наибольшую красоту, если поддерживается в непрерывной последовательности. Итак, затем он описывает, используя образ

трех граций, танцующих свой танец в кругу, чтобы описать дух взаимности, который объединяет людей, готовность помочь и предложить подарок или помощь, а также обязательство ценить подарки и помощь. и ценить обязательство, которое дарение и помощь налагают на получателя, обязательство получателя каким-то образом отплатить дающему.

Затем этот цикл продолжается на протяжении всей жизни, даже на протяжении поколений, и связывает людей вместе отношениями взаимной помощи, поддержки и сотрудничества, которые в конечном итоге позволяют людям в этом обществе безопасно прожить свою жизнь в обществе, в противном случае нет систем безопасности. Благодарность считалась священным долгом, а о неблагодарности можно было говорить как о эквиваленте святотатства. И опять же, тот факт, что этос и институт были представлены тремя богинями, подтверждает это.

Давать плохо или не возвращать деньги — значит, по сути, наносить вред этим богиням. Это нарушение святыни. И вот Сенека мог бы написать: не ответить благодарностью — это позор, и весь мир считает это позором.

Он утверждает, что это еще одна по существу универсальная ценность в его контексте. Итак, когда мы думаем о Новом Завете, о благодати и о том, как определенные отношения изображаются в Новом Завете, я считаю, что это становится для нас очень важным фоном для рассмотрения. Это побуждает нас помнить о нескольких вещах, включая несколько экзегетических вопросов, когда мы читаем любой текст Нового Завета.

Прежде всего мы должны вспомнить, где язык благодати будет дома в повседневном мире автора и его аудитории. Люди, получившие Послание к Галатам или получившие письмо к евреям, знали все о благодати задолго до того, как автор этих писем связал ее с благодатью Бога Израилева, явленной в Иисусе Христе. Итак, каков контекст, который формирует знания и ожидания относительно благодати в повседневном мире? Где слушатели могли бы неоднократно сталкиваться с этим языком, кроме религиозного собрания христианской еkkлeсии? Какую информацию и предпосылки принесут слушатели текст, подобный Посланию к Галатам, из этих других мест? Что может предположить Павел, когда они говорят о благодати, когда он представляет ее как невысказанное действие, которое отменяет Божью благодать? Мы также хотим быть внимательными к тому, в какой степени автор Нового Завета может пытаться бросить вызов или исправить предпосылки или опыт, который слушатели могут привнести в свою интерпретацию текста или в свое взаимодействие друг с другом, а также степень от которого автор зависит и опирается на этот этос. То есть, с одной стороны, Павел может импортировать многое из того, что мы только что обсуждали с точки зрения этики благодати и

взаимности, в свое обсуждение наших отношений с Богом и наших обязательств перед Богом.

Но в то же время Павел, возможно, пытается исправить некоторые предположения об обмене дарами в своих собраниях. Одним из примечательных способов, которым он это делает, является попытка убедить богатых покровителей в своих христианских общинах, что они таковыми не являются, тем самым покупая базу власти внутри церкви для продвижения своих интересов против других богатых христиан в этой конкретной общине. Это, кажется, было одной из главных проблем, например, в Коринфе.

Таким образом, мысль о том, что я обеспечиваю дом, еду и гостеприимство христианскому собранию, не означает, что я только что сделал все собрание своим клиентом. Павел вводит в это уравнение другие концепции, такие как управление, чтобы уравновесить некоторые социальные ожидания, которые богатый христианин может привнести в эту новую ситуацию. В последней части этой лекции я хочу уделить немного времени более детальным размышлениям об идеалах патронажа, дружбы и клиентства.

Начнем с изящного пожертвования. Какие культурные знания о изящном пожертвовании может иметь типичный человек первого века? Совершенно очевидно, что дающий, желающий жить хорошо, дающий, который не является просто инвестором, как Сенека или Бен-Сира, будет пренебрежительно отзываться о плохом дающем. Очень важно, чтобы дающий давал в интересах получателя, бенефициара, а не ради собственной выгоды дающего за счет какой-то прибыли, которую он или она могли бы получить от этого человека. Бен-Сира в своем сборнике пословиц карикатурно изображает неблагодарного дающего.

Подарки бессмысленных людей не принесут вам пользы, потому что они требуют многого взамен малого. Мало дадут, много упрекнут, и откроют уста свои, как глашатай. У меня нет друга.

За мои добрые дела нет благодарности. Хотя дающий не должен давать с целью получить что-то взамен, не должен рассчитывать на взаимность, которую проявит щедрый получатель, дающий также не должен разбрасываться своими благами на людей, заведомо неблагодарных. Они должны давать, скорее, добродетельным людям.

Глядя на тот сборник советов Демонику, читаем, расточайте свои благосклонности на добрых людей, ибо запас благодарности, хранящийся в сердцах добродетельных людей, является великим сокровищем. Если ты отдашь свои дары плохим людям, то награда твоя будет такой же, как и тем, кто кормит бродячих собак, которые рычат и на тех, кто их кормит, и на тех, кто

просто проходит мимо. Кто же тогда тот человек, которому следует давать? Давать следует человеку с репутацией умеющего быть благодарным.

Благодарность — древний эквивалент хорошего кредитного рейтинга. И здесь есть тонкая грань. Как пишет Сенека, я выбираю человека получателем своих даров.

Я выбираю человека, который будет благодарен, а не того, кто, скорее всего, принесет конкретную выгоду. И часто бывает так, что благодарный человек — это тот, кто вряд ли вернет, а неблагодарный — тот, кто вернул. Моя оценка направлена именно в самое сердце.

Итак, как говорит Сенека, для того, чтобы дарение оставалось чистым и добродетельным, я хочу, чтобы человек ценил дар, но меня не волнует, что этот человек может дать мне взамен. На самом деле, я мог бы вступить в отношения, в которых человек отвечает, но в его или ее сердце эти отношения не имеют никакой ценности. Это просто обмен товарами.

И это, в конечном счете, не то, что такое дружба или покровительство. Все дело в формировании долгосрочных отношений взаимного поиска другого. Сенека и другие призывают время от времени давать и неблагодарным.

И это в подражание богам, которые заставляют солнце и дождь обрушиваться как на хороших, так и на плохих. Если это похоже на Иисуса из Евангелия от Матфея 5, так и должно быть. Это потрясающая параллель.

Можно найти и Иисуса, и Сенеку, призывающих людей подражать Богу или богам, чтобы не позволить неблагодарности плохих помешать человеку быть щедрым на всех. Общественные благодеяния, случайные частные подарки неблагодарным в надежде пробудить добродетель, были бы неотъемлемой частью благородных пожертвований, потому что, в конечном счете, целью было не возвращение, а совершение добра для кого-то другого. В то же время существует четкий идеал хорошего получения, достойного получения благ.

В то время как дающие должны думать только о получателе, получатели должны думать о своем долге перед дающим. В той же книге о благах Сенека пишет, что человек, который намерен быть благодарным, даже когда он или она его получает, должен обратить свои мысли на то, чтобы вернуть услугу. Почти все дискуссии о добродетели справедливости в древнем мире включают обсуждение почитания благодетелей и проявления должной благодарности за полученные услуги.

Здесь следует вспомнить образ танца грации, образ трех богинь, танцующих в кругу, и тот факт, что невыражение благодарности наступает на ноги партнерше

по танцу и портит танец. Разумеется, в древнем мире не существовало официальных санкций, призванных принуждать к благодарности. Продолжающийся обмен должен быть добровольным, чтобы вообще быть благодатью.

А как насчет благодарности? Благодарность могла принимать самые разные выражения. Очень часто оно попадало в одну или несколько из трех категорий, первая из которых заключалась в прославлении благодетеля посредством собственного поведения по отношению к этому благодетелю и посредством своего свидетельства. Сенека призывает получателей: покажем, насколько мы благодарны за пришедшее к нам благословение, изливая свои чувства, и будем свидетельствовать о них не только в слуху дающего, но и повсюду.

Это происходит в случае публичных производств в виде надписей, которые будут на все времена каменным свидетельством щедрости благодетеля, или возведения статуй в случае еще более ценных даров, или чествования благодетеля на публичном мероприятии и т.п. . Это, кстати, частая мотивация для прославления Бога в своей речи, для принесения свидетельства или для произнесения псалма благодарения и хвалы. В апокрифической книге Товит можно найти, например, ангела Рафаила, призывающего тех, кого Бог недавно спас от бедствия, благословить Бога и признать его перед всеми живущими за добрые дела, которые он сделал для вас.

С подобающей честью возвещайте всем людям дела Божии. Не медлите признать его. Раскрывайте дела Божьи и с подобающей честью признавайте Его.

Эта честь была одним из важных компонентов ответной благодарности. Так же как и услуга или какая-то другая подобная отдача за сам подарок. Сенека пишет, что щедрое расположение дающего вознаграждается, когда мы принимаем его с благодарностью.

Другую часть услуги, состоящую из чего-то материального, мы еще не отплатили, но все еще надеемся это сделать. Долг доброй воли, благоприятствования за благорасположение, был погашен возвратом доброй воли. Материальный долг требует материальной отдачи.

Здесь нам следует понимать материал довольно широко, как любой вид помощи или услуги в реальном или физическом мире. И, таким образом, я не могу отплатить императору за подарок какими-либо материальными средствами, но я могу отплатить императору, выполняя приказы императора, когда ему нужно что-то сделать, или выполняя множество приказов губернатора, когда ему нужно что-то сделать, и предлагая эту услугу бесплатно в рамках моего возвращения. Вероятно, вы уже можете интуитивно почувствовать связь этого с Богом.

Я не могу отплатить Богу ни за что, но я могу дать Богу то, что я могу сделать: всю жизнь, полную актов послушания и служения, как выражение благодарности за то, что Бог дал мне. И третья составляющая благодарственного отклика — верность благодетелю. Как я уже упоминал ранее, посетители часто конкурировали друг с другом, и поэтому лояльность к человеку, который оказал мне услугу в прошлом, является очень важным выражением благодарности и связи.

Я не могу просто быть благородным человеком и пойти на вечеринку, которая вроде бы побеждает. Я должен поддержать человека, который в прошлом поддерживал меня, оказывая мне помощь и поддержку. Сенека пишет, что эту лояльность следует ставить выше любых соображений личной выгоды.

Он пишет, что это неблагодарный человек думает, что мне хотелось бы получить ответную благодарность, но я боюсь расходов. Я боюсь опасности. Я избегаю оскорблять других людей, у которых мой покровитель находится в немилости.

Я предпочитаю руководствоваться собственными интересами. В письме Сенеки он пишет, что никто не может быть по-настоящему благодарен, пока не научится презирать то, что сводит с ума простое стадо. Если вы желаете отплатить за благосклонность, вы должны быть готовы отправиться в изгнание, пролить свою кровь, подвергнуться нищете или даже позволить самой своей невинности быть запятнанной и подвергнутой постыдной клевете.

То есть вы должны ставить связь со своим покровителем превыше всех других соображений. И если для него или нее настали трудные времена, вы должны принять тот факт, что эти трудные времена обрушатся и на вас из-за вашей связи с ней, а не разрывать эту связь, чтобы получить личную выгоду. Мы слышим много плохого об Ироде Великом, потому что, знаете ли, по большому счету он был каким-то придурком.

Но он умел быть лояльным клиентом. В молодости, еще до того, как он окончательно сошел с ума, он был верным клиентом Марка Антония. И долгое время это работало для него очень хорошо, пока Антоний не оказался в гражданской войне против Октавиана, который стал императором Августом, и всеми римскими легионами, которые не были размещены в Египте вместе с Антонием.

И, конечно же, мы знаем, что Антоний с треском проиграл в 31 г. до н.э. И так, что же собирается делать Ирод теперь, когда его покровитель с позором умер? Ирод предстает перед самим Августом, самим Октавианом и говорит: я не буду вам лгать. Я не собираюсь преуменьшать свою связь с Энтони.

Он был моим покровителем и моим другом. И я до конца проявлял ему преданность и поддержку. И я не раскаиваюсь в этом.

Но что я хотел бы предложить тебе сейчас, Август, теперь Октавиан, так это то, что я умею быть верным клиентом и другом. Я добираюсь туда. Это единственное хорошее, что я могу сказать об Ироде.

Но он знал это так много. Мы много говорили о слове «благодать» в контексте этого социального контекста. Я просто хочу быстро отметить, что слово «вера» также имеет естественное место в контексте этих отношений.

Оно не так эксклюзивно, как слово харис, как греческое слово харис в отношении этого социального института, но заметное место для разговоров о вере и ее противоположности находятся в отношениях покровитель-клиент или дружеские отношения. Пистис, греческое слово, которое мы обычно переводим как «вера» или «доверие», используется, чтобы говорить о доверии к надежности покровителя или надежности друга, который сможет дать то, что было обещано. А еще оно используется, чтобы говорить о надежности клиента, его надежности в сохранении веры, в сохранении доверия к конкретному покровителю или другу.

Противоположностью *pistis* является *apistia*, обычно недоверие или нелояльность. Таким образом, мы обнаруживаем, что это слово используется для обозначения неспособности доверять надежности покровителя, друга или даже клиента. Или как проявление нелояльности, измены этим отношениям.

При этом, когда мы читаем Новый Завет, не всегда, но часто слова «вера», «верность», «недоверие» и «нелояльность» встречаются в контексте отношений благодати, отношений покровителя и клиента с покровителем часто является Бог или Иисус, а клиентом — человек-ученик. В завершение этой лекции я хочу рассмотреть эпизод из жизни Иисуса, который показывает нам покровительство, посредничество и клиентскую деятельность в реальной жизни из Евангелия. Это взято из 7-й главы Луки. После того, как Иисус закончил излагать народу все свои слова, он вошел в Капернаум.

У центуриона был очень важный для него слуга, но слуга был болен и собирался умереть. Когда сотник услышал об Иисусе, он послал к Иисусу нескольких иудейских старейшин с просьбой прийти и исцелить его слугу. Когда они пришли к Иисусу, они искренне умоляли Иисуса.

«Он заслуживает того, чтобы вы сделали это для него», — сказали они. Он любит наш народ и построил для нас синагогу. Иисус пошел с ними.

Он уже почти дошел до дома, когда сотник послал друзей сказать Иисусу: «Господи, не беспокойся». Я не заслуживаю того, чтобы ты приходил под мою крышу. На самом деле я даже не считал себя достойным приехать к вам.

Просто скажи слово, и мой слуга исцелится. Я также человек, назначенный под власть, под моим началом находятся солдаты. Я говорю одному «иди», и он идет, а другому «приходи», и он приходит.

Я говорю своему слуге: сделай это, и слуга это делает. Когда Иисус услышал эти слова, сотник произвел на него впечатление. Он повернулся к идущей за ним толпе и сказал: Говорю вам, даже в Израиле я не нашел такой веры.

Когда друзья центуриона вернулись в его дом, они нашли слугу выздоровевшим. Теперь давайте просто посмотрим на некоторые динамики, действующие в этой истории. Центурион, римлянин, чужак и человек, который как бы сознает себя частью угнетающего класса в Иудее, в Галилее, действительно в этом случае в чем-то нуждается.

Ему нужно то, что не могут обеспечить обычные люди, что не могут обеспечить его собственные оплачиваемые врачи. Ему нужно исцеление домашнего слуги, который долгое время был дорогим и доверенным членом его семьи и о котором центурион глубоко заботится. У Иисуса есть репутация обладателя чего-то: силы исцелять.

Уже к этому моменту повествования Луки он прославился своей способностью изгонять бесов, исцелять больных и совершать всевозможные божественные чудеса. Сотник хочет того, что может дать Иисус, и думает, как это получить. Итак, он не пойдет сам, потому что он римский угнетатель.

Он не знает, как его примут в таком виде, но у него есть люди, которые, грубо говоря, ему что-то должны. Покровительством пользовались старейшины Капернаума. В самом деле, вся еврейская община Капернаума пользовалась покровительством жившего среди них римского центуриона, желавшего быть, знаете ли, не безобразным римлянином, а добрым римлянином.

Он расточал ресурсы общине Капернаума, по-видимому, построив для них синагогу. Кстати, в Капернауме и по сей день можно увидеть синагогу первого века, а не фундамент синагоги первого века. Действительно здорово видеть под синагогой из известняка четвертого века и думать, что, возможно, этот центурион заложил этот фундамент.

Итак, он посылает тех, кому он принес пользу, и эти старейшины еврейской общины, вероятно, только рады возможности наконец сделать что-то хорошее для своего местного покровителя в обмен на то добро, которое он им сделал.

Итак, они идут к Иисусу и всеми силами торгуют добродетелью сотника. Он достоин того, чтобы ты сделал это для него.

Он построил нам синагогу. Он любит наш народ. Он достойный получатель благосклонности.

Он не типичный римлянин. Таким образом, они действуют как посредники, как посредники, обращаясь к кому-то, к кому они могут обратиться, к члену своего народа, к члену еврейского народа, от имени того, кто в чем-то нуждается. И делают они это потому, что сами знают, что являются получателями благосклонности сотника.

И поэтому в долгу перед ним за его щедрость. Это уже отличная иллюстрация этой динамики в действии. Иисус соглашается пойти.

Иисус убежден. И по пути центурион делает нечто еще более поразительное. Он посылает к Иисусу еще одну группу людей, которых, кстати, позже называют его друзьями.

Итак, люди, часть его семьи, часть его обширной клиентуры. Он посылает этих друзей сказать: «Остановитесь на месте». Я не заслуживаю того, чтобы ты приходил под мою крышу.

Но я знаю, что у вас есть полномочия сделать это, и все, что вам нужно сделать, это сказать слово. Отсюда все это я понимаю авторитет. Я знаю, что значит сказать кому-то: сделай это, и он это сделает.

И я знаю, что у тебя есть такой авторитет, когда дело касается божественной милости. И это поразительный пример доверия, *pistis*, того слова, о котором мы говорили. Я знаю, что ты можешь оказать эту услугу.

У меня нет сомнений. Вы полностью надежны. И Иисус признает, что сотник говорит именно это.

Он говорит, ух ты, такого доверия, такой уверенности в своей надежности, я не нашел в Израиле, а здесь нахожу. И он дарует благосклонность этому центуриону. Итак, в этой истории мы действительно видим многие движущие силы в действии.

Посредничество, взаимность, старейшины стараются сделать все возможное, чтобы отплатить этому невероятно щедрому римскому офицеру, и вера тоже в деле. В нашей следующей лекции мы попытаемся взглянуть на один текст, Послание к евреям, через эту призму и увидеть, насколько много этот культурный фон может пролить свет на письмо Нового Завета.

Это доктор Дэвид ДеСильва в своем учении «Культурный мир Нового Завета».
Это сессия 3: Покровительство и взаимность.